

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ НА ВЕСАХ СТОЛЕТИЯ¹

© 2020 г. С. В. Леонов

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

E-mail: s-leonov@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.06.2020 г.

После доработки 15.06.2020 г.

Принята к публикации 01.07.2020 г.

В статье сквозь призму накопленного человечеством исторического опыта рассматриваются дискуссионные проблемы сущности, периодизации российской Гражданской войны, а также её общих и особенных черт, по сравнению с гражданскими войнами в Европе, Америке и Азии. Анализируются имеющиеся в отечественной и зарубежной историографии концепции и предлагаются новые оценки и дефиниции. В частности, гражданской войной предлагается считать продолжительную вооружённую борьбу за власть внутри страны различных политических сил, социальных и этноконфессиональных групп с использованием государства, государственных образований и военных соединений (“армий”). Приводятся авторские подсчёты людских потерь в России в послефевральский (1917 г.) период и на начальном этапе гражданской войны.

Ключевые слова: гражданская война, революция, периодизация, особенности, Восток, Запад, красные, белые, историография.

DOI: 10.31857/S0869587320090042

При всём многообразии концепций Гражданской войны в России одним из немногих общих положений, объединяющим всех отечественных и зарубежных исследователей, является признание её связи с революцией 1917 г. Эта связь была прямой или же, по мнению главным образом советских историков, опосредованной (выступлениями белых или иностранной интервенции). Однако она составляла важнейшую характеристику российской Гражданской войны, отличав-

шую её от гражданских войн в США и в ряде стран Латинской Америки, Азии и Африки.

Анализ самой революции не вмещается в тесные рамки данной статьи. Тем не менее важно иметь в виду, что хотя Октябрь, а отчасти и Февраль 1917 г. обладали некоторыми чертами переворотов, они явились этапами Великой российской революции, — возможно, крупнейшей из всех когда-либо происходивших. (Такой взгляд в нашей стране сейчас непопулярен, зато имеет приверженцев за рубежом. М. Малиа — исследователь с широким кругозором и отнюдь не левый по своим взглядам, чуждый некогда модному среди американских историков “ревизионизму”, — назвал её “величайшей из современных”, то есть происходивших с XVIII в. революций. “Как XIX в. жил, словно под гипнотическим влиянием Французской революции, так и ленинский Октябрь околдовал весь XX в.” [1, с. 256, 296, 297]). Эти этапы имели качественные отличия и относительную самостоятельность, что, с учётом мощной научной традиции и относительной неразработанности концепции единой революции, нового категориального аппарата, позволяет в известном смысле использовать привычные термины: Февральская и Октябрьская революции или Октябрьский переворот [2, с. 157–166]. (В новейшей французской историографии и вовсе воз-

¹ Статья перепечатывается из журнала “Российская история” (2019. № 1. С. 24–36) с авторскими изменениями и дополнениями.

ЛЕОНОВ Сергей Викторович —
доктор исторических наук,
профессор МПГУ.

обладала тенденция делить “их” Великую революцию конца XVIII в. на ряд самостоятельных либо “автономных” революций [3, с. 8].) В этом контексте Гражданская война в России также имеет свои особенности, логику развития и, несомненно, заслуживает специального анализа.

В современной историографии она получила, пожалуй, большее отражение, чем собственно Октябрьский переворот. В итоге её картина качественно изменилась, усложнилась и потеряла неизыгаемую в рамках “классовой”, “партийной” парадигмы определённость, в каком-то смысле даже рассыпалась. Многие прежние постулаты оказались явно неприемлемыми. Другой немаловажной особенностью историографической разработки Гражданской войны в России явилась существенно меньшая роль западной историографии. В последней до 1990-х гг. наблюдалась явная недооценка этой темы, даже игнорирование её многими исследователями, что сказывается до сих пор. Повлияли идеологические стереотипы, выведившие последующую советскую историю непосредственно из Октябрьского переворота, а отчасти и объективные трудности, порождённые масштабностью и “трудоёмкостью” объекта исследования, многочисленностью источников и недоступностью советских архивов [4, с. 8; 5, с. 142, 143]. Таким образом, многочисленные проблемы, обнаружившиеся в этой сфере, приходится решать, если и не полностью “своим умом”, то с большей, чем мы привыкли за последнее время, “опорой на собственные силы”. Одним из таких нерешённых вопросов в современных условиях оказалось само понятие “гражнская война”. Что можно считать таковой?

В 1992 г. Ю.А. Поляков, пересмотрев свои прежние взгляды (в частности, на классовую – в основе – сущность Гражданской войны и её хронологические рамки [6, с. 101–104]), дал следующее её определение: это “вооружённая борьба между различными группами населения, имевшая в своей основе глубокие социальные, национальные и политические противоречия, проходившая при активном вмешательстве иностранных сил в различные этапы и стадии, принимавшая различные формы, включая восстания, мятежи, разрозненные столкновения, крупномасштабные военные операции с участием регулярных армий, действия вооружённых отрядов в тылу правительства и государственных образований, диверсионно-террористические акции” [7, с. 32, 33]. Данная дефиниция являла собой принципиальный шаг вперёд по сравнению с советскими, трактовавшими гражданскую войну в идеологизированном ключе как “наиболее острую форму классовой борьбы”, “борьбу с оружием в руках одного класса против другого класса” [8, с. 215]. До настоящего времени в отечественной историографии определение Поляко-

ва широко распространено и считается классическим [9, с. 17].

Вместе с тем практически с самого начала оно подвергалось критике отдельными исследователями, в частности за расширительное толкование гражданской войны [10, с. 102, 107]. Действительно, помимо многословия и иных стилистических издержек, эта дефиниция страдает описательностью и неопределённостью. Под неё попадают и отдельные, “разовые” вспышки вооружённого противоборства (вроде Февральской революции или июльского восстания 1917 г. в Петрограде), и некоторые локальные межэтнические или “межобщинные” конфликты. К тому же Гражданская война, несмотря на верно подмеченное автором многообразие её форм и участие населения, являлась борьбой главным образом между политическими или, по меньшей мере, организованными силами, с использованием государства и не столько “вооружённых отрядов”, частей, сколько военных соединений, причём не всегда “регулярных”. На сегодняшний день данное определение отнюдь не облегчает разрешение дискуссионных проблем Гражданской войны и особенно её периодизации. Кроме того, оно относится только к России и не может служить основой для компаративистских сопоставлений. Между тем без них, в рамках лишь одной страны, как подметил ещё А. де Токвиль, невозможно адекватно оценить суть крупных исторических событий. “Человек, изучающий только Францию, никогда ничего не поймёт во французской революции”, – писал он [11, с. 22]. Конкретно-исторические сравнения служат главным и почти незадействованным в отечественной историографии резервом дальнейшего осмысливания Великой российской революции и Гражданской войны.

Б.И. Колоницкий предложил считать российскую Гражданскую войну “комплексом войн, в которых различные стороны пытались вооружённым путём реализовать свой план реорганизации постимперского пространства – меняя характер государства и/или его границы”. Попытка определять “войну” через “комплекс войн” не корректна, да и не нова (вслед за Х. Вадой, заявившим о комплексе революций 1917 г., Р. Сервис, Д. Свейн и другие западные историки в конце прошлого столетия писали о нескольких и даже о десятках гражданских войн [12, с. 63–66]). По большей части эти “войны” были тесно взаимосвязаны, попытка их “расщепления” может служить лишь исследовательским приёмом, а по сути оказывается средством ухода от решения вопроса. Из данного определения неясно, чем Гражданская война отличается от революций (которые нередко сопровождались многочисленными сражениями), и кого можно считать её “стороной”. Далеко не у всех участников Гражданской войны были какие-то далеко идущие планы, а тем более –

по “реорганизации постимперского пространства”. Имевшиеся же планы отнюдь не сводились к этой проблеме. Десятки народов хотели выйти из этого пространства, и восемь крупных этносов смогли это сделать (три из них – на время). Большевики стремились к мировой революции и победе коммунизма в глобальном масштабе. Подавляющая же часть населения была озабочена выживанием, повседневными нуждами, сведением счётов и т.д.

Зарубежные исследователи по большей части избегают дефиниций гражданской войны или отделяются импровизированными определениями. Порой одни историки дают их в описательном и расширительном плане, включая в них династические войны [13, с. 19, 20], другие, напротив, сужают их до “вооружённой борьбы между частями Красной армии и различными антибольшевистскими... воинскими соединениями, которая продолжалась с декабря 1917 до ноября 1920 г.” [14, с. 10]. Гражданскую войну определяют как “вооружённое противостояние двух групп граждан внутри одного государства” или вооружённый конфликт между группами и партиями внутри государства с целью замены одной партией другой [15, с. 7; 16, с. 9]. Из перечня этих незамысловатых дефиниций выделяются те, что даны в справочных изданиях. “Британская энциклопедия” называет гражданской войной “насильственный конфликт между государством и одним или несколькими организованными негосударственными субъектами на территории государства” [17]. Данное лаконичное и ёмкое определение затрагивает некоторые существенные стороны рассматриваемого понятия, но под него вполне подпадают революции и не подпадает, к примеру, американская гражданская война 1861–1865 гг. Ближе к истине, на мой взгляд, “Энциклопедия общественных наук США”, трактуя гражданскую войну в качестве конфликта внутри общества, вызванного попыткой незаконными средствами захватить или сохранить власть и символы легитимности [10, с. 107]. Однако эта дефиниция не проводит разделения между гражданской войной и революцией (и даже переворотом).

Разумеется, разделить вышеуказанные понятия сложно, и нередко сделать это можно лишь условно. Более того, каждая из гражданских войн уникальна, а в традиционном обществе они имели особую специфику. Тем не менее возьму на себя смелость сформулировать, что гражданская война – это продолжительная вооружённая борьба за власть внутри страны различных политических сил, социальных и этноконфессиональных групп с использованием государства, государственных образований и военных соединений (“армий”), чаще всего сопровождаемая вмешательством иностранных держав или организаций.

Данное определение акцентирует относительную длительность, масштабность и многообразие рассматриваемого феномена, его отличия от отдельных и кратковременных, исчисляемых днями или несколькими неделями столкновений (которые можно считать вспышками гражданской войны, но не самой войной), а также от малозначительных или сугубо региональных (“межобщинных”) проявлений насилия. Из дефиниции следует, что в таких войнах участвуют не только политики, военные и политизированные представители общественности (как при переворотах), но и часть населения, причём, представленная не одной (или преимущественно одной), а несколькими социальными группами. Даже если для каких-то сил на первом плане стоят экономические, социальные, религиозные, национальные или иные мотивы, непосредственно или в конечном счёте борьба в ходе гражданских войн ведётся за власть, пусть и не всегда за центральную. Например, крестьяне в ходе многочисленных восстаний 1918–1922 гг., по сути, претендовали на экономическую и политическую автономию от государства, то есть, по меньшей мере, на отдельные государственные, а также на региональные и местные властные полномочия. Выделяя системообразующие черты гражданских войн, данная дефиниция создаёт возможности для их сравнительно-исторического анализа в различных странах и в разные эпохи.

Принципиальное значение в изучении гражданских войн, как правило, имеет их датировка и периодизация. В советскую эпоху под воздействием политico-идеологических факторов хронологические рамки рассматриваемой войны трактовались противоречиво, но в целом – максимально узко. Поскольку В.И. Ленин до лета 1918 г. неоднократно говорил, что она шла с 1917 г. (а затем отметил её завершение в 1922 г.), нехотя признавалось, что как явление Гражданская война продолжалась с октября 1917 г. по октябрь 1922 г. Большевистское правительство уже 28 ноября 1917 г. также квалифицировало контрреволюционное движение на Дону и Урале как “открытую гражданскую войну” [18, с. 53, 126, 135–137, 151, 164, 186, 187, 192, 211, 212, 243, 268, 369; 19, с. 4, 79, 94; 20, с. 302, 303; 21, с. 62]. Однако общепринятая хронология была иной. Стремясь переложить вину за невиданное братобойство с большевиками на “интервентов и белогвардейцев” и используя более поздние ленинские оценки, официальная историография жёстко разграничивала Октябрьскую революцию и “период” Гражданской войны, когда военный вопрос выступал как главный вопрос революции [22, с. 7; 23, с. 9]. Начало этого этапа датировалось концом мая – июнем 1918 г. и связывалось с восстанием Чехословацкого корпуса. При этом игнорировалась противоречивость ленинских оценок. Между тем в марте 1918 г.

вождь писал, что “боевая или военная задача стояла на первом плане” с конца октября 1917 г. и приблизительно до февраля 1918 г., что естественно “для всякой политической партии, достигающей господства в обстановке острой и наиболее ожесточённой борьбы” [19, с. 127, 128]. Более того, вопреки своим обычным заявлениям о том, что развязали Гражданскую войну белогвардейцы, калединцы, кадеты, буржуазия, интервенты и т.п., на III Всероссийском съезде Советов и на VII съезде РКП(б) опьяняющий триумфом и выступавший “перед своими” Ленин публично проговорился, что начали Гражданскую войну большевики в октябре 1917 г. [18, с. 268; 19, с. 4]. Чтобы не привлекать внимания к невиданной волне крестьянских восстаний 1921–1922 гг. и отсутствию (кроме японцев на Дальнем Востоке) интервентов, которым стали приписывать решающую роль в разжигании Гражданской войны, её завершением официально считали разгром армии П.Н. Врангеля в Крыму в ноябре 1920 г.

Советскую официальную датировку рассматриваемой войны разделяли в целом и большинство иностранных авторов [24, с. 25]. Правда, многие из них её окончание “продляли” до весны 1921 г., а в последнее время — до 1922 г. и далее [25–30]. Среди современных отечественных историков традиционные рамки 1918–1920 гг. несколько подрастеряли популярность, но ещё сохраняют сторонников. В целом же в трактовке хронологии Гражданской войны в настоящее время наблюдается полнейший разнобой [12, с. 67–70; 31, с. 187]. Некоторые авторы (В.И. Голдин, А.В. Посадский и др.) отказываются называть дату начала войны и говорят о стадиях “всплзания” в ней или о постепенности нарастания насилия [31, с. 26, 86, 149]. Между тем эта проблема давно и по праву считается “одной из важнейших для понимания сущности и особенности Гражданской войны” [7, с. 33]. Понемногу растёт число тех, кто считает Октябрь 1917 г. началом Гражданской войны (А.В. Ганин, Г.З. Иоффе, С.Н. Полторак, Д. Рэйли, В.Ж. Цветков и др.). В меньшей степени это относится к Февралю 1917 г. (Ю.А. Поляков, В.В. Шелохаев, В.И. Шишkin и др.).

Сроки завершения Гражданской войны в последнее время вызывают меньше споров. Хотя здесь ещё фигурирует 1920 г., всё чаще появляется 1922 г., проскальзывает и 1923 г. В целом в отечественной, а отчасти и в зарубежной историографии постепенно укрепляются позиции датировки 1917–1922 гг. Однако продолжающаяся разноголосица, немыслимое количество концепций, точек зрения и их оттенков, всевозможных определений Гражданской войны (фронтовая, широко-масштабная, в широком смысле, эшелонная, локальная, очаговая и т.п.), а главное, острый дефицит верифицируемых критериев и аргументов

запутывают проблему периодизации и, следовательно, — интерпретацию сути и особенностей рассматриваемой войны. Поскольку ещё больше усложнить ситуацию трудно, рискну высказать свои соображения.

После того как жаркие идеологизированные баталии вокруг революции 1917 г. и Гражданской войны сами стали достоянием истории, непосредственная связь между этими событиями представляется совершенно очевидной. (Обвинять в начале войны “белогвардейцев”, пытавшихся как-то сопротивляться вооружённым узурпаторам власти и творцам массового насилия, — всё равно что осуждать за рукоприкладство человека, пытающегося отбиваться от вломившегося в его дом бандита.) “Интервенция” — на окраинах страны и в ограниченном виде — началась спустя четыре месяца после Октябрьского переворота, а в масштабном — через год с лишним. В какой-то мере Гражданская война была связана с Первой мировой войной, а также с некоторыми отечественными традициями (деспотическими, общинными, бунтарскими и т.д.) и незавершённой модернизацией царской России. Все эти факторы, наряду с большевистской партией и “марксистско-ленинской” идеологией, призывающей к кардинальной и насильственной переделке всего человеческого сообщества, определили основное содержание и специфику рассматриваемого феномена.

Гражданская война явилась завершающим и решающим этапом Великой российской революции, начавшейся в феврале 1917 г. и продолжавшейся до октября 1922 г. Непосредственно войну открыл большевистский переворот в Петрограде 24 октября 1917 г.

Ещё в феврале и июле 1917 г. в столице наблюдались отдельные вспышки вооружённой борьбы, но не более того. После Февральской революции по всей стране резко ускорилось накопление горючего материала для Гражданской войны. Последняя становилась всё более вероятной (на март 1917 г. можно оценить такую вероятность приблизительно в 60%), но вряд ли неизбежной. Для власти существовала масса в той или иной мере допустимых шагов: отказ от наступления на фронте в июне того же года; запрет и действительные преследования после июльского восстания большевистской партии, недопущение освобождения Л.Д. Троцкого и других арестованных вождей; арест Ленина; предотвращение выступления Л.Г. Корнилова; создание однородного демократического правительства (на Демократическом совещании для этого не хватило нескольких голосов [32]); отказ от переноса и более ранний созыв II съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, Учредительного собрания и т.д. Одна-две меры из этого, далеко не полного

списка (которые требовали главным образом здравого смысла и политической воли) в условиях крайнего истощения Германии и приближавшегося завершения Первой мировой войны, могли бы предотвратить, а по меньшей мере, отсрочить Гражданскую войну, причём, существенно изменив при этом её характер и масштабы. “Перехват” Временным правительством или другим временным органом до Октябрьского переворота любого из двух ключевых решений большевиков – о земле и демобилизации армии – превратил бы их переворот в локальный и лишил бы его шансов на победу. Таким образом, называть Февральскую революцию началом Гражданской войны можно лишь с явной натяжкой, сугубо в метафизическом смысле, в каком, например, причину смерти человека следует усматривать в его рождении.

С 24 октября 1917 г., вопреки стереотипам о “триумфальном шествии советской власти”, военные действия в разных городах, регионах страны шли практически непрерывно: в Петрограде и его окрестностях, в Валке, в Москве, Смоленске, Воронеже, под Белгородом и Обоянью, на Дону, Южном Урале, Кубани и Тереке, в Казани, Бугульме, Саратове, Астрахани, Елабуге, Сарапуле, Соликамске, в Киеве, Виннице, Чугуево, Чернигове, Полтаве, Житомире, Ровно, Елизаветграде, Одессе, в Крыму, в Екатеринославской, Минской, Витебской и Могилёвской губерниях, в Иркутске, Омске, в Енисейской губернии, Забайкалье, в Благовещенске, в Дагестане, в Баку, Шемахе и Ленкорани, в Тургайской и Семипалатинской областях, в Ташкенте, Коканде, Самарканде и т.д. Всего непосредственных участников сражений, по нашим оценкам, было до 300 тыс. человек, – около 0.2% “наличного” населения страны (171.8 млн).

В феврале–марте 1917 г. в Петрограде и на Балтийском флоте погибли соответственно примерно 307 и 120 человек, во время июльского восстания – 56, а всего за 8 месяцев до Октября – до 0.6 тыс. человек (без военных потерь на фронте). В ходе Октябрьского переворота и “триумфального шествия советской власти” (до марта 1918 г.), по нашим консервативным ориентировочным оценкам, были убиты в боях и в результате террора: в Петрограде и окрестностях – не менее 300, Москве – до 1 тыс. человек, Иркутске – 1 тыс., в Киеве – не менее 3 тыс., в Одессе – 0.5 тыс., в Крыму – 1.2 тыс., на Юге России (Области Войска Донского с прилегающими районами Екатеринославской, Харьковской губернии) – приблизительно 2.5 тыс., в Астрахани – 0.3 тыс., на Кавказе – 1.5 тыс., в Коканде – не менее 2 тыс. человек. Общее число погибших примерно за 4 месяца советской власти превысило 15 тыс. человек, – на два порядка больше, чем за весь послевоенный период.

Поскольку подавляющая часть населения устала от войны, не хотела “воевать за Керенского” и приветствовала экспроприацию “буржуев”, помещиков и демобилизацию армии, “контрреволюция” не имела массовой базы. По численности большевистские силы многократно превосходили своих противников. По имеющимся, по-видимому, завышенным данным, в октябре 1917 г. в Красной гвардии уже состояли от 100 тыс. до 180 тыс., а к маю 1918 г. – 460 тыс. человек. До января 1918 г. лишь из Петрограда в составе матросских отрядов были посланы до 40 тыс. человек (половина Балтфлота), а солдат, сражавшихся за большевиков, было существенно больше [33, с. 264, 271; 34, с. 250, 288].

До мая 1918 г. Гражданская война в России была преимущественно очаговой, локальной. Однако ещё до восстания Чехословацкого корпуса её масштабы стали увеличиваться. Под влиянием репрессивной политики и резкого ухудшения экономического положения население стало подниматься против большевиков. В Советской России всё чаще вспыхивали массовые волнения и восстания. В апреле 1918 г. в результате восстания казаков в районе Новочеркасска начала формироваться Донская армия, в середине мая она достигла 17 тыс. человек. Добровольческая армия, несмотря на непрерывные бои и огромные потери, к концу апреля увеличилась до 5 тыс. С конца мая 1918 г. Гражданская война обрела глобальный характер и крайнюю ожесточённость. Большевики смогли компенсировать сужение своей социальной поддержки за счёт колоссального госаппарата. Белые так и не сформулировали привлекательных для масс лозунгов (за исключением разве что П.Н. Врангеля), не обрели устойчивой массовой базы и не создали эффективного госаппарата. Перевес сил красных в относительном плане сократился, но оставался кратным. Вопреки прежним стереотипам, немецко-австрийское вторжение было связано главным образом с продолжавшейся мировой войной. Оно несло потенциальную угрозу большевикам, сократило советскую территорию, но в итоге способствовало стабилизации оставшейся. Интервенция Антанты оказалась запоздалой, нерешительной, нескоординированной и кратковременной (кроме Дальнего Востока). Количество “интернационалистов” в Красной армии превосходило численность интервентов (250–300 тыс. против 202 тыс. к февралю 1919 г. [22, с. 235; 35, с. 53, 54]). Поддержка странами Антанты белых была ограниченной и в какой-то мере способствовала дискредитации последних в глазах населения. В то же время в Европе развернулось движение солидарности с Советской Россией.

В ноябре 1920 г. широкомасштабная Гражданская война ещё не завершилась. Продолжались военные действия в Закавказье. В феврале 1921 г.

они резко активизировались, Красная армия воевала против 50-тысячной армии грузинских меньшевиков и 12-тысячных соединений армянских дашнаков. Советскую Россию во второй половине 1920 – начале 1921 гг. накрыла волна беспрецедентных по массовости восстаний. Весной 1921 г. только по трём регионам (Западная Сибирь, Тамбовщина и Украина) против большевиков сражалось порядка 200 тыс. повстанцев – впятеро больше, чем было в армии Врангеля (41 тыс.), хотя и хуже вооружённых.

В Перекопско-Чонгарской операции красные, по некоторым данным, потеряли убитыми и ранеными 10 тыс. человек; за всё время существования Южного фронта (август–декабрь 1920 г.) его безвозвратные потери составили 16.2 тыс. человек. В 1921–1922 гг. в боевых действиях в Закавказье безвозвратные потери Красной армии достигли 11.7 тыс., а в борьбе с многочисленными восстаниями в Европейской России, Сибири, Туркестане и на Украине – превысили 46.7 тыс. человек [36, с. 122, 124, 143]. Огромную долю этих потерь составляли дезертиры, многие из которых переходили на сторону повстанцев. В те же годы шли военные действия и на Дальнем Востоке. В ходе них армии РСФСР и ДВР потеряли 237.9 тыс. человек, – это 1/5 часть всех безвозвратных потерь РРКА с 1918 по 1922 г. (1212.8 тыс., а по новым, но, как представляется, заниженным подсчётом, – 980.8 тыс. человек [36, с. 113, 114, 147, 149]). Не включать 1921–1922 гг. в период Гражданской войны невозможно.

Разумеется, разгром последней регулярной белой армии на европейской территории России имел существенное военно-политическое значение. Однако более важным рубежом стал март 1921 г. После него Гражданская война вновь постепенно стала превращаться в преимущественно локальную, очаговую, хотя и гораздо более широкую по числу участников, чем в октябре 1917 г. – апреле 1918 г. Это было связано с рядом факторов. Во-первых, с решениями X съезда РКП(б) о продналоге, создавшими политические возможности для борьбы с практически повсеместными, небывалыми крестьянскими восстаниями, грозившими опрокинуть большевистский режим. Во-вторых, с подавлением Кронштадтского восстания. В нём участвовали до 27 тыс. матросов и солдат, оно непосредственно угрожало северной столице и могло вызвать цепную реакцию в стране. Кроме того, в марте–апреле 1921 г. удалось достичь перелома в борьбе с крупнейшими восстаниями в Сибири, на Украине, в Армении, Средней Азии. Наконец, в марте завершились военные действия в Грузии (в Армении они закончились в июле 1921 г.).

В целом Гражданская война продолжалась до октября 1922 г. В отдельных регионах Сибири, Кавказа она затянулась до второй половины

1920-х гг., в Средней Азии – до начала 1930-х гг. (Считать завершающим рубежом этой войны разгром 0.8-тысячного отряда А.Н. Пепеляева в 1923 г. можно только из стремления к оригинальности; в том году ещё воевали 15 тыс. басмачей [37, с. 127], Туркестанский фронт существовал до июня 1926 г.) Вопреки декларациям большевиков, Гражданская война в России, в отличие, например, от США, не завершилась “гражданским миром”, и отдельные её элементы, своего рода конвульсии проявлялись в стране в годы коллективизации и Второй мировой войны.

Масштабы и продолжительность фазы вооружённого противоборства составляли немаловажную особенность Великой российской революции, в сравнении с большинством революций на Западе. Более длительной эта фаза оказалась разве что в Нидерландах (1566–1609) и США (1776–1789), где доминировали национально-освободительные мотивы, и военные действия велись против других стран (в отечественной и зарубежной историографии эти события датируются по-разному и не всегда признаются революциями). Даже в Великой французской революции не было классической, чётко обозначенной гражданской войны, охватывавшей всю страну.

Роль военного фактора была ещё выше, а гражданские войны – зачастую в форме масштабной партизанской борьбы – длились десятилетиями главным образом лишь в некоторых азиатских, африканских и особенно в латиноамериканских странах, в частности, в ходе революции 1808–1826 гг. (В советской историографии и во многих современных отечественных исследованиях она именуется “Освободительной войной” или “Войной за независимость” 1810–1826 гг. Хотя некоторые авторы признавали её “своеобразной буржуазно-демократической революцией”, по большей части отмечалось, что она обладала лишь чертами революции, но не поднялась “до решения главных социальных проблем” [38, с. 10; 39, с. 201]).

Длительность и повышенная роль военного фактора объяснялись, в частности, тем, что своеобразным компенсатором слабости отечественной буржуазии там выступала не столько интеллигенция (как в России), сколько офицерство, а также особой логикой развития “восточных” революций. Как подметил С. Хантингтон, “западные” революции сначала побеждали в столице, а затем подчиняли себе сельские районы. Захват власти в них осуществлялся сравнительно легко, и после этого начиналась гражданская война. В революциях на Востоке, напротив, главные сражения гражданской войны происходили перед захватом столицы. Такие революции, как правило, начинались с периферии, установления контроля над удалёнными районами и приводили к дли-

тельному периоду “двоевластия”. Постепенно с помощью пропаганды и террора революционеры завоёвывали поддержку крестьян, расширяли подвластную территорию, переходили от террористических вылазок к партизанской войне, затем к регулярным военным действиям и в итоге захватывали столицу [40, с. 270–278]. Китайской компартии потребовалось для этого 23 года гражданской войны (1927–1950 или 1927–1949 гг.; нередко её делят на две войны: 1927–1937 и 1945–1950 гг.), причём массовое истребление населения продолжилось и после нее. В ходе кампании “борьбы с внутренней контрреволюцией”, развернутой с октября 1950 г., уже к концу 1951 г. и только по официальным данным, были уничтожены 2 млн человек [41, с. 620].

Самыми короткими стали гражданская война в Германии – с января по май, в отдельных регионах по июль 1919 г., в ходе её погибли тысячи человек (и, по мнению некоторых авторов, были заложены основы Веймарской республики [42, с. 164]), и гражданская война в Парагвае в 1947 г., за полгода она унесла 2.5 тыс. жизней. Самой продолжительной явилась гражданская война в Бирме – с некоторыми перерывами она тянулась 64 года (1948–2012) [43, с. 263–266, 352]. Гражданская война в Колумбии с перерывами длится, по меньшей мере, с 1964 г. и, несмотря на успехи миротворческого процесса, ещё не вполне завершилась. Помимо партизанского характера данных войн аномальная, даже для Востока, их продолжительность объяснялась остротой политических, социальных, национальных (особенно для Бирмы) противоречий и тем, что здесь они переплетались с интересами мощных интернационализированных наркокартелей. Эти и прилегавшие к ним страны являлись крупнейшими производителями опиумного мака и коки. Сказывался и горно-лесистый рельеф, преобладающий в этих странах, и давние (с 1920–1930-х гг. в Колумбии и со Второй мировой войны – в Бирме) традиции партизанской борьбы.

В этой парадигме Великая российская революция, а отсюда и Гражданская война в базовых параметрах скорее относились к “западному” типу. У нас война началась с захвата Петрограда, затем пошла в регионы, деревню, а в итоге послужила завершающим революцию этапом. Это походило на Запад, но частично: в Англии (1640–1653) и во Франции (1789–1799) гражданские войны шли “внутри” революций. В российской Гражданской войне проявилась огромная (ещё более значительная, чем во Французской революции и отчасти напоминавшая Восток) роль крестьянства. Однако при этом исход войны в России, как и в гражданских войнах на Западе, решали города, а точнее, крупнейшие торгово-промышленные центры и особенно столицы [44, с. 6, 7]. Российская Гражданская война, в отличие от большин-

ства “восточных” гражданских войн и от Великой французской революции, почти не была связана с национально-освободительной борьбой “государствообразующей” нации и не характеризовалась всплеском “великодержавного” национализма, а отсюда – патриотизма (разве что кроме Советско-польской войны в 1920 г.). В отличие от гражданских войн в Англии и во Франции, в российской не стоял непосредственно вопрос реставрации монархии. В противоположность английскому и подобно французскому королю, русский царь не возглавил контрреволюцию. Более того, он не последовал примеру обоих королей и всерьёз даже не пытался бежать из-под ареста.

В российских событиях 1917–1922 гг. во множестве присутствовали и “восточные” элементы: восьмимесячный период двоевластия (правда, предварявший Гражданскую войну); повышенная роль крестьянства и – что важно отметить – офицерства (в организации и руководстве контрреволюцией). Пусть в меньшей мере, чем на Востоке, но это компенсировало относительную слабость и политическую апатию буржуазии. Последнее, в свою очередь, предопределило слабость либералов и недостаток “политического обеспечения” Белого движения, его тотальную “военизацию”, затруднившую обретение массовой базы.

Роль иностранной интервенции оказалась в России далеко не такой, как изображала советская историография, но всё же существенной. Она, как и во многих странах Востока, способствовала глобализации Гражданской войны и радикализации самой революции. В отличие от большинства таких стран, интервенция в России была “многонациональной”. В целом, она оказала меньшее влияние на нашу Гражданскую войну, чем на Великую французскую революцию, гражданскую войну в Китае, а тем более в Югославии, Корее и Вьетнаме. В известном смысле по влиянию интервенции российскую революцию можно сопоставить с революцией и гражданской войной (1910–1917) в Мексике. Более того, там вышеуказанным событиям предшествовала революция 1854–1860 гг. (включавшая трёхлетнюю гражданскую войну) [39, с. 229, 230], а в нашей стране Великой революции и Гражданской войне предшествовала революция 1905–1907 гг., в ходе которой наблюдались многочисленные вспышки гражданской войны.

Важнейшими особенностями Гражданской войны в России стали: небывалая роль партий, госаппарата, включая спецслужбы нового типа, широкое распространение социалистических и особенно коммунистической идеологий. Всё это способствовало радикальным социальным экспериментам, направленным на создание принципиально нового строя и уничтожение целых классов.

сов и социальных групп, а отсюда – небывалому кровопролитию. При этом, в отличие от европейских революций, “наша” не завершилась “термидором”. Победившие в Гражданской войне радикалы-большевики остались у власти. Во второй половине XX в. эти черты в той или иной мере повторились в революционном движении в целом ряде стран Азии и Латинской Америки.

Российская Гражданская война была тесно связана с Первой мировой войной, которая затруднила иностранное вмешательство в русские дела, придала вооружённому противостоянию небывалый масштаб и ожесточённость. Возвращавшиеся с фронта солдаты стали одной из важнейших опор большевистской власти. Милитаризация общества; огромные запасы вооружений на руках у населения, а также на складах и в портах (в основном доставшихся большевикам); военный опыт миллионов людей и крайне ожесточение нравов; изменение состава офицерского корпуса – эти и другие обстоятельства, порождённые Первой мировой, во многом определили специфику отечественной Гражданской войны. Лишь отчасти схожие факторы проявились в гражданских войнах в Китае, Югославии, Польше (1944–1948) и других странах в ходе и после Второй мировой войны.

Решающую роль в рассматриваемой войне играли регулярные армии и масштабные сражения, в противоположность преимущественно партизанской, террористической тактике гражданских войн ряда латиноамериканских и азиатских стран. Это роднило российскую Гражданскую войну с северо-американской (1861–1865). Сходство заключалось и в явной диспропорциональности населения, экономического потенциала у воевавших сторон (в основном сосредоточенных у Севера и у красных), в важной роли индустрии и железных дорог и в огромных потерях. Вместе с тем в российской войне присутствовала иностранная интервенция, большее значение имела конница; реже практиковались характерные для американской войны окапывания, позиционные бои и осады; меньшую роль играл морской театр военных действий, менее распространены были и выборы командиров в регулярных частях.

Пятилетняя Гражданская война в России оказалась одной из самых кровопролитных. Лишь в ходе восстания тайпинов 1850–1864 гг. (фактически гражданской войны) погибло больше людей, – по приблизительным оценкам, до 15–20 млн [41, с. 322]. В России в 1917–1922 гг., по подсчётам Ю.А. Полякова, население уменьшилось на 13 млн человек, из которых до 2 млн эмигрировали, а 11 млн погибли. От 140.6-миллионного населения страны (с учётом Бухары и Хивы на начало 1920 г.) это 9.2%. Стоит напомнить, что безвозвратные потери всех 38 стран, официально участ-

вовавших в Первой мировой войне, которая считалась невиданной в истории “мясорубкой”, были меньше – 10 млн человек. В ходе двух гражданских войн в Китае в 1927–1950 гг., по сугубо приблизительным, ненадёжным оценкам, погибли 10–13 млн человек. Это сопоставимо с Россией, но население в Китае в 1927 г. (484 млн человек) было в 3.4 раза больше, и доля погибших составляла 2.7%. В ходе гражданской войны в США 1861–1865 гг. погибли до 650 тыс. человек из 36.6-миллионного населения (не считая индейцев), то есть 1.8% (таких потерь у страны не было за всю её историю, включая две мировые войны). Эта доля близка к потерям населения в гражданской войне в Испании 1936–1939 гг. Там погибло от 270 до 450 тыс. человек [45, с. 65; 46, с. 295], или 1.1–1.8% от 24.6-миллионного испанского населения (на 1935 г.). В ходе непродолжительной, далеко не повсеместной, но крайне свирепой гражданской войны 1793–1794 гг. Франция потеряла до 250 тыс. человек или 0.9% 28-миллионного населения. Почти такие же относительные потери оказались и в забытой теперь гражданской войне в Испании 1820–1823 гг. – примерно 100 тыс. человек из 1.2 млн жителей или 0.8%.

Приведённые сопоставления показывают не только несомненную самобытность российской Гражданской войны, но и её общие черты, связь с некоторыми тенденциями революционного движения на Западе, в Латинской Америке и на Востоке. Это подразумевает, что революция и Гражданская война в России были вызваны не только спецификой предшествовавшего развития страны и Первой мировой войной, но в какой-то мере и определённой логикой модернизации, развития политического процесса в мире, преломившейся сквозь призму отечественных условий. “Случай России, при всей его уникальности... является логичным (хотя и крайним) следствием долгой революционной традиции всей европейской цивилизации”, – писал М. Малиа [1, с. 5]. Можно лишь добавить, что не только европейской.

Разумеется, нельзя отрывать гражданскую войну от традиций страны. С этих позиций небезынтересно сопоставить её с крестьянскими войнами, которые ещё с советских времён некоторые историки считают разновидностью гражданских [47, с. 10, 31–33, 36, 40]. Представляется, что наряду с религиозными войнами их можно назвать специфическим, присущим традиционному обществу вариантом гражданских войн. Крестьянские войны также характеризовались вооружённой борьбой за власть; участием разнообразных социальных и национальных групп (при доминировании крестьянства), формированием противостоявших друг другу лагерей, созданием своих властных структур и повстанческих армий; стремлением последних идти от окраин к

центру, к столице. Вопрос об идеологии и политической программе крестьян остался дискуссионным. Так же, как и в ходе гражданских войн, религиозные мотивы в отечественных крестьянских войнах не являлись основными; главным противником в них (в отличие от ряда таких же войн на Западе) не были в целом свойственные компромиссы, переговоры с властями и феодалами по поводу каких-то уступок. Вместе с тем, в отличие от крестьянских войн, начинавшихся на периферии, Гражданскую войну в России открыла вооружённая борьба в столице; она охватила всю страну, а не отдельные регионы; она продолжалась дольше и принесла колоссальные потери. Гражданская война была лишена феномена самозванства, монархический фактор уже не являлся главенствующим; казаки играли в ней повышенную, но не лидирующую роль. Гораздо большее значение имели новые социальные группы, появились новые факторы: иностранной интервенции; массовой пропаганды, индустрии и современных коммуникаций – железных дорог, пароходов и т.д. Итогом войны стали создание нового политического режима, существенное изменение социальной структуры и отношений собственности в стране.

Для России революция 1917 г. – самое важное событие (по “модулю”, по прямому и косвенному влиянию на историю страны) по меньшей мере за последние 160 лет. Её характер и итоги во многом определила и “конкретизировала” Гражданская война 1917–1922 гг. Она наложила неизгладимый отпечаток на большевизм и всё общество. Ценой невиданных жертв, разорения страны и её архаизации война произвела на свет и легитимизировала новую систему власти, а в целом – фундамент общественной модели, представлявшейся тогда альтернативной капитализму формой развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Малин М.* Локомотивы истории: Революции и становление современного мира. М.: РОССПЭН, 2015.
2. *Леонов С.В.* Российская революция на весах столетия // Революция и бунт в российской истории. М.: МПГУ, 2017.
3. *Ревуненков В.Г.* История Французской революции. СПб.: СЗАГЗ, Образование–Культура, 2003.
4. *Кенез П.* Красная атака, белое сопротивление. 1917–1918. М.: Центрполиграф, 2007.
5. *Новикова Л.Г.* Гражданская война в России в современной западной историографии // Отечественная история. 2005. № 6. С. 142–158.
6. *Поляков Ю.А.* Гражданская война в России (поиски нового видения) // История СССР. 1990. № 2. С. 98–117.
7. *Поляков Ю.А.* Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. 1992. № 6. С. 32–41.
8. *Ленин В.И.* ПСС. Т. 34. М.: Изд-во политической литературы, 1969.
9. Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии / Отв. ред. Д.Б. Павлов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.
10. “Круглый стол”. Гражданская война в России // Отечественная история. 1993. № 3. С. 102–115.
11. *Токвиль А. де.* Старый порядок и революция. М.: Московский философский фонд, 1997.
12. *Голдин В.И.* Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х–90-е гг.). Архангельск: Боргес, 2000.
13. *Голстон Дж.А.* Революции. Очень краткое введение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
14. *Пайпс Р.* Россия при большевиках. М.: РОССПЭН, 1997.
15. *Нольте Э.* Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм. М.: Логос, 2003.
16. *Наумов В.П., Косаковский А.А.* История гражданской войны и интервенции в СССР (Современная буржуазная историография). М.: Знание, 1976.
17. <https://www.britannica.com/topic/civil-war>.
18. *Ленин В.И.* ПСС. Т. 35. М.: Изд-во политической литературы, 1974.
19. *Ленин В.И.* ПСС. Т. 36. М.: Изд-во политической литературы, 1974.
20. *Ленин В.И.* ПСС. Т. 45. М.: Изд-во политической литературы, 1975.
21. Протоколы заседаний Совета Народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 гг. М.: РОССПЭН, 2006.
22. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1983.
23. Гражданская война в СССР. В 2 т. / Под общ. ред. Н.Н. Азовцева. Т. 1. М.: Воениздат, 1980.
24. *Бровкин В.Н.* Россия в гражданской войне: власть и общественные силы // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 24–39.
25. *Figes O.A.* People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924. N.Y. Penguin Books, 1998.
26. *Holquist P.* Making War, Forging Revolution: Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge (Mass.), London: Harvard univ. press, 2002.
27. *Raleigh D.* Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002.
28. *Smele J.D.* The Russian Revolution and Civil War: 1918–1921. L.; N.Y.: Continuum, 2003.
29. *Raleigh D.* The Russian civil war, 1917–1922 // The Cambridge History of Russia. Vol. III. The Twentieth Century / Ed. by R.G. Suny. Cambridge, 2006.
30. *Smele J.D.* The Russian Civil Wars, 1916–1926: Ten Years that Shook the World. L: Hurst, 2016.

31. Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии / Отв. ред. В.В. Калашников. СПб.: СПбГЭТУ “ЛЭТИ”, 2018.
32. Ненароков А. Упущенная возможность единения демократических сил при решении вопроса о власти. Август – первая декада октября // Меньшевики в 1917 г. В 3 т. / Под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона. Т. 3. М.: РОССПЭН, 1996.
33. Конев А.М. Красная Гвардия на защите Октября. Изд. 2, доп. М.: Наука, 1989.
34. Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1987.
35. Поляков Ю.А. Антисоветская интервенция и её крах. 1917–1922. М.: Политиздат, 1987.
36. Россия и СССР в войнах и конфликтах XX в. Статистическое исследование. М.: Олма-Пресс, 2001.
37. Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М.: Наука, 1981.
38. Коваль Б.И. Латинская Америка: революция и современность. М.: Наука, 1981.
39. История Латинской Америки. Доколумбова эпоха – 70-е гг. XIX в. М.: Наука, 1991.
40. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
41. История Китая / Под ред. А.В. Мелекситова. Изд. 2. М.: Высшая школа, 2002.
42. Хаффнер С. Революция в Германии 1918/19 гг. Как это было в действительности? М.: Прогресс, 1983.
43. Васильев В.Ф. История Мьянмы/Бирмы. XX век. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2009.
44. Ленин В.И. ПСС. Т. 40. М.: Изд-во политической литературы, 1974.
45. Волкова Г.И., Дементьев А.В. Политическая история Испании XX в. М.: Высшая школа, 2005.
46. Данилов С.Ю. Гражданская война в Испании (1936–1939). М.: Вече, 2004.
47. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. М.: Наука, 1974.